

Алексей Попов

«Не конец ли Крыму?»: интерпретации катастроф XX в. в фольклоре и медиа¹

В статье на примере крымского землетрясения 1927 г. и эпидемии холеры 1970 г. сделана попытка показать взаимосвязь между реальным сюжетом, его освещением в советской прессе, а также его переосмыслением в слухах, произведениях городского фольклора. Автор приходит к выводу о том, что стандартная модель информационного освещения катастроф в советских медиа была направлена на выполнение трех основных функций: собственно информационной, информационно-просветительской и организационной. Синтез всех этих функций создавал ситуацию так называемого «информационного патернализма». Однако создаваемая таким способом официальная информационная картина происшедшего выглядела неполной и противоречивой. Именно это побуждало советских граждан дополнять официальную картину катастрофы с помощью неформальных источников в виде слухов, анекдотов, рифмованных текстов.

Ключевые слова: землетрясение, холера, средства массовой информации, слухи, шутки о катастрофе, городской фольклор, информационный патернализм, Крым, СССР.

В XX в. на территории Крыма произошел целый ряд событий, которые можно отнести к категории локальных катастроф. Однако в этой статье мы хотим проанализировать информационно-коммуникативные интерпретации только двух из них, объединенных естественными, а не антропогенными или техногенными факторами возникновения. Речь идет о крымском землетрясении 1927 г. и черноморской эпидемии холеры 1970 г. Помимо естественного происхождения, сходство этих катастроф заключалось также в длительном периоде актуальности угрозы (около двух месяцев), совпадении активной фазы катастрофы с курортным сезоном, вовлеченности в форс-мажорные события сотен тысяч людей при относительно небольших жертвах (до 15 человек). Сравнительный анализ интерпретаций форс-мажорных событий 1927 г. и 1970 г. позволит выявить характерные особенности освещения локальных катастроф в советских медиа, а также типичные реакции аудитории на официальную версию происходящего. Изложение материала

Алексей Дмитриевич Попов

Крымский федеральный
университет
им. В.И. Вернадского,
Симферополь
ropalex79@mail.ru

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-41-93578. Автор выражает глубокую благодарность Александре Архиповой, Михаилу Алексеевскому, Алексею Голубеву, Владимиру Ежову, Кристиану Ноаку, Наталье Петровой, Александру Пригарину и Наталье Сырбу за помощь в подготовке материала.

по каждому из событий будет построено по следующей схеме: 1) динамика и проявления катастрофы (сюжет); 2) освещение катастрофы в советской прессе (официальная картина происходящего); 3) неформальный коммуникативный фон катастрофы, ее восприятие и интерпретация на уровне межличностного общения (неофициальная картина происходящего).

Сюжет 1. Землетрясение 1927 г.: хроника события

Землетрясение 1927 г. считается самым сильным из тех, которые были документально подтверждены для территории Крымского полуострова за всю историю наблюдений. Самые мощные толчки (более 8 баллов) произошли в ночь с 11 на 12 сентября 1927 г., однако более слабые колебания земной коры эпизодически повторялись еще почти два месяца, до конца октября, что постоянно держало людей в психологическом напряжении. Подземные толчки сопровождались обрушением зданий, оползнями и обвалами горных пород, нетипичным поведением диких и домашних животных, а также «сильным подземным гулом». Один из очевидцев, писатель Константин Федин, так описывал события ночи 11–12 сентября 1927 г. в Ялте:

Стояла душная южная ночь. Вдруг внезапный удар сбил меня с ног. Подземный гул, грохот камней, звон бьющегося стекла, вой собак — все слилось в единый шум.

Он постепенно нарастал, заглушая вопли о помощи, крики безумия, стоны раненых. И все это потонуло в густой, едкой пыли — она не позволяла дышать, и сквозь эту завесу не было видно, где меньше опасность, куда нужно бежать. Из подъездов домов выскакивали люди. По улице, заваленной обломками камней, обезумевшая толпа с ужасным криком ринулась вниз, к морю (цит. по: [Севастьянов 2013: 10]).

Созданию атмосферы апокалипсиса способствовал и периодически наблюдавшийся с многих точек побережья визуальный эффект «горящего моря», который был вызван возгоранием метана, выделявшегося из находящихся на дне разломов земной коры [Никонов 2002: 16–18]. Все это вызвало у очевидцев состояние, которое специалисты впоследствии охарактеризуют понятием «невропсихическая эпидемия», или «пандемия невропсихического травматизма» [Брусиловский, Бруханский, Сегал 1928: 106].

Наиболее выраженные панические настроения наблюдались не среди местных жителей или тех, кто находился в санаториях, а среди неорганизованных отдыхающих, которые размещались в гостиницах или частном секторе [Двойченко 1928: 84]. Под влиянием катастрофы у курортной публики, среди кото-

рой было много семей с детьми, возникло желание как можно быстрее покинуть зону бедствия. Местами наиболее массового «исхода» отдыхающих стали Алушта, Алупка, Гурзуф и особенно Ялта. При этом использовался весь имеющийся автомобильный, морской, гужевой транспорт, спрос на который значительно превышал предложение. Пунктами назначения были железнодорожные вокзалы Севастополя и Симферополя, откуда можно было выехать за пределы Крыма [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 663. Л. 4–8].

Оставшиеся в зоне землетрясения оказались в беспрецедентной экстремальной ситуации. Те или иные повреждения получили практически все здания Южного берега Крыма. По некоторым данным, пострадало около 97,5 % построек, причем 2,5 % было совершенно разрушено, 34,5 % нуждалось в капитальном ремонте [Хрисанфов 1928: 88]. Опасаясь повторения сильных подземных толчков, значительная часть населения долгое время не возвращалась в свои дома, а размещалась в палатках, шалашах, под навесами. Ряд учреждений также организовал свою работу под открытым небом. Столы, стулья, шкафы с документами ставили прямо в парках и скверах, на безопасном расстоянии от зданий, которые могли обрушиться. Однако несмотря на такую сложную ситуацию, удалось практически полностью избежать проявлений мародерства [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 663. Л. 6–7].

Крымское светопреставление на страницах прессы

Как же освещалось землетрясение 1927 г. в центральной и местной прессе? В первые дни на страницах газет, в частности главного ежедневного печатного органа страны — газеты «Правда», появлялась довольно реалистичная информация о трагедии и ее последствиях. Среди обычно сдержанных строк информационных сообщений о масштабах разрушений и сумме ущерба иногда появлялись эмоционально окрашенные пассажи, которые практически идентичны приведенным выше воспоминаниям очевидцев: «Гул был страшен, дома тряслись, стекла лопались. Население полуголое в панике бросилось на улицы. Сады переполнились испуганными женщинами и детьми» [Землетрясение охватило весь Крымский полуостров 1927]. Облик пострадавших городов характеризовался как «грандиозный цыганский табор», где «трагическое перемешивается с комическим» [Кольберт 1927а]. 20 сентября 1927 г. материал о последствиях землетрясения в Крыму на страницах газеты «Правда» вышел с подзаголовком: «В Ялте осталось без крова 10 тысяч человек. Курортное управление приступило к постройке временных бараков» [Землетрясение в Крыму

1927]. Общий вывод, сделанный на страницах прессы, был однозначен: «Ялте и как городу и как курорту нанесен надолго непоправимый удар» [Кольберт 1927а].

Достаточно реалистично описывался вызванный паникой массовый «исход» курортной публики. В частности, корреспонденты отмечали, что в первые дни после землетрясения стоимость проезда одного человека от Ялты до Севастополя у частных автоперевозчиков поднялась с 10 до 250–400 руб. [Кольберт 1927б]. Интересно, что в крымской прессе сообщалось о значительно более умеренном повышении, всего до 15–20 руб., которое было «прекращено вмешательством органов административного надзора» [В.В. 1927]. В обратном направлении, по словам авторов, «пробирались лишь одиночки: матерей за детьми, мужа за женами» [Егоров 1927].

Несомненный интерес представляет сравнение статистики жертв землетрясения 1927 г. в закрытых источниках и прессе. В архивных документах приводится информация о 13 погибших в результате землетрясения и 38 тяжело раненых, как минимум двое из которых впоследствии также скончались [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 663. Л. 4, 24]. В опубликованных источниках неоднократно повторялась успокаивающая формулировка, что среди санаторных больных жертв не было [Землетрясение охватило весь Крымский полуостров 1927; Гроссман 1928: 28] — имелись в виду только отдыхающие с путевками. Однако тут же сообщалось об одном или двух погибших среди местных жителей и неорганизованных рекреантов применительно к отдельным населенным пунктам (Алупка, Гурзуф, Ялта), но без обобщения статистики по жертвам.

Информация о масштабах разрушений и наличии человеческих жертв на страницах прессы создавала соответствующий фон для появившихся практически сразу после трагедии призывов к населению всей страны об оказании денежной помощи пострадавшей «всесоюзной здравнице». С такой инициативой выступил ЦИК Крымской АССР и народный комиссар здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко. Предполагалось, что помощь будет поступать либо как разовые добровольные пожертвования, либо как регулярные отчисления определенной суммы из заработка [Семашко 1927]. Однако призывы оказать помощь пострадавшим крымчанам соседствовали с заверениями, что центральные и местные органы власти делают все возможное для преодоления последствий катастрофы. Впрочем, несколько месяцев спустя, в начале 1928 г., председатель ЦИК Крымской АССР В. Ибраимов сетовал на то, что информация о преодолении последствий землетрясения практически исчезла со страниц общесоюзной прессы.

«Левиафаны советского общественного мнения “Правда” и “Известия” уделяют Крыму незначительное — в сравнении с размерами бедствия внимание», — в этом Ибраимов видел причину угасавшего характера кампании по сбору средств в помощь пострадавшим от землетрясения [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 663. Л. 90об].

Вслед за первой информационной «волной» о землетрясении, длившейся около недели и, по сути дела, представлявшей собой публичную хронику происходившего (преимущественно в форме информационных сводок и сюжетных зарисовок с места трагедии), начался второй этап освещения катастрофы в прессе, который условно можно назвать разъяснительно-просветительским. В ходе этого этапа публиковались материалы, которые должны были понятным для широкой аудитории языком объяснить логику природных процессов, связанных с повышенной сейсмической активностью, в том числе в контексте крымских событий. Они имели форму либо интервью с ученым-экспертом, либо научно-популярной статьи или брошюры от имени этих же авторитетных авторов. Наибольшее количество подобных материалов было связано с именами известных советских ученых В.А. Обручева, И.М. Губкина, П.А. Двойченко. Такие материалы появились не только на страницах газетной периодики, но и в популярных советских журналах «Красная нива», «Огонек», «Смена». Например, В.А. Обручев в своей статье объяснял читателям «Красной нивы» геологические причины землетрясений и их классификацию [Обручев 1927]. В статье «Не конец ли Крыму?», размещенной на страницах молодежного журнала «Смена», основное внимание фокусировалось на описании причин именно крымского землетрясения [В.М. 1927].

Формировавшаяся посредством подобных материалов научно обоснованная картина происходящего должна была успокоить население и, как подчеркивали сами авторы, предотвратить распространение антинаучных, фантастических слухов. На это прямо указывает, например, автор изданной в 1928 г. брошюры «Крымские курорты после землетрясения», директор Государственного управления курортов Южного берега Крыма Я.Л. Гроссман. Он констатировал, что землетрясение «породило благодаря неправильному освещению этого вопроса целый ряд самых неправдоподобных и фантастических слухов», а также выражал сожаление, что отсутствие достаточного количества научно обоснованной информации в первые дни после трагедии «дало самую разнообразную пищу словоохотливым репортерам, которые в погоней за “сенсацией” не жалели красок, сгущая их, где надо и где не надо» [Гроссман 1928: 5, 17].

Появление в самых популярных общесоюзных периодических изданиях разъяснительно-просветительских материалов о землетрясении 1927 г. свидетельствует о том, что их аудиторией должны были стать не столько крымчане, сколько жители других регионов страны, у которых необходимо было восстановить доверие к Южному берегу Крыма как месту потенциального отдыха и лечения. В противном случае под угрозой оказывался государственный проект по превращению региона во «всесоюзную здравницу», который последовательно реализовывался с 1920 г., когда В.И. Ленин подписал декрет «Об использовании Крыма для лечения трудящихся». В этом контексте вполне объяснимо и активное участие в информационной кампании по восстановлению имиджа крымских курортов как безопасных наркома здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко, который наряду с Лениным был одним из идеологов развития санаторно-курортного дела в Крыму.

«Стоустая молва» о «провале Крыма»

Как уже отмечалось выше, многие источники свидетельствуют о том, что после землетрясения возникли разнообразные слухи, которые чаще всего касались возможного «провала» и «разлома» Крыма, его затопления морем, а также якобы начавшихся вулканических извержений (например, [Двойченко 1928: 81]). Тема слухов присутствует и в газетных репортажах с места событий:

Сама Алушта, в первый момент, поражает матрацами, подушками, — прямо на улицах. Сидят семьями, группами. Засыпают. И... говорят. О том, что море залило Ялту, о том, что Симферополь провалился в тартарары и т.д. и т.п. И что характерно: паникерских разговоров больше в городе, нежели в деревне [Нем. 1927].

Симеиз встречает толпами взбудораженных людей. Сильно удивляются, что мы из Ялты целехонькими добрались до Симеиза. В Симеизе сплела сети стоустая молва, что Ялта затоплена, Ялта погибла [После землетрясения 1927].

Секретные сводки крымских органов власти, сохранившиеся в архивах, несколько дополняют наши представления о репертуаре циркулировавших после землетрясения слухов. К сюжетам о «провале» Крыма и о якобы имевшем место извержении вулкана добавились слухи мистического и политического свойства: об образовании в море возле Ливадии острова, неожиданном открытии нефтяных источников, появлении у крымских берегов английских крейсеров. В Алушке неизвестные вывесили прокламацию с информацией о якобы имевших

место разрушительных землетрясениях в Москве и Курске [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 663. Л. 22]. О том, что народная молва о крымском землетрясении имела политическую подоплеку, свидетельствует и еще один любопытный источник. 25 сентября 1927 г. увидел свет очередной номер популярного советского журнала «Огонек», где была помещена карикатура с заголовком «Это было у моря...». Здесь были изображены курортник и курортница, судя по внешнему виду явно принадлежащие к так называемой «нэпманской» публике, между которыми происходит следующий диалог:

— *Ну что вы скажете о землетрясении, моя дорогая?*

— *Я всегда говорила: разве может быть порядок при этой власти!* [Это было у моря... 1927].

Примечательно, что в текстах оперативных сводок местных органов власти авторство политических слухов, возникших после землетрясения 1927 г., приписывалось не просто несознательным и легковверным гражданам, а неким «антисоветским и контрреволюционным группам». Здесь также описывается поведение южнобережных крестьян, которое трактовалось как вызывающее опасения:

Крестьяне слишком требовательны к советскому правительству. Ставят вопрос так: «Правительство должно обеспечить нас жилищем», «Выдайте нам сейчас брезент для палаток — может пойти дождь и замочить» [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 663. Л. 22].

Однако о каких-либо более радикальных антисоветских высказываниях, а тем более об антисоветских выступлениях известные нам источники ничего не сообщают. Единственной формой реализации протестной активности против власти, по всей видимости, стал довольно резкий рост религиозных настроений, наблюдавшийся и среди православных, и среди мусульман. В ряде населенных пунктов Южнобережья было зафиксировано проведение крестных ходов, а также случаи жертвоприношения животных и «чтения женщинами Корана» [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 663. Л. 22–23]. Такой «всплеск» религиозности вызвал большую озабоченность советских властей, которые на тот момент уже более пяти лет проводили последовательную политику атеистической пропаганды.

Несмотря на то что землетрясение 1927 г. было уникальным естественным явлением и затронуло только Крымский полуостров, описываемые настроения пострадавших имеют определенные аналогии с тем, что происходило в других регионах СССР. По информации известного французского историка Н. Верта, пораженческие и апокалипсические слухи постоянно циркулировали среди советского крестьянства в конце

1920-х — начале 1930-х гг., являясь реакцией на принудительную коллективизацию и мобилизационные мероприятия советской власти [Верт 2010]. Упоминание в крымских слухах именно английских крейсеров явно гармонирует с прокатившимися по всей стране слухами о возможной войне и английской интервенции, которые появились после разрыва торговых соглашений и дипломатических отношений между СССР и Великобританией (27–28 мая 1927 г.) и продолжали муссироваться зимой 1927–1928 гг. во время так называемого «кризиса хлебозаготовок».

Однако дальнейшее развитие событий вновь актуализирует уникальность крымской ситуации. В работах А. Архиповой и С. Неклюдова [Архипова, Неклюдов 2010], Л. Виолы [Виола 2010] и Н. Петровой [Петрова 2012], написанных преимущественно на материалах Центральной России того периода, убедительно показано, что рост апокалипсических настроений среди крестьянства сопровождался вооруженными антисоветскими выступлениями. Однако в Крыму слухи о грядущем «светопреставлении», «разломе» и «провале» не повлекли за собой таких радикальных форм протестной активности. Скорее всего, это было связано с тем, что сельскохозяйственная деятельность на Южном берегу Крыма была ориентирована на выращивание не зерновых культур, а винограда и табака, около 85 % урожая которых все еще обеспечивали частные крестьянские хозяйства. Поэтому Крым не так остро переживал «кризис хлебозаготовок», тем более что после активной фазы землетрясения для организации питания пострадавших южнобережных крестьян были выделены дополнительные продовольственные фонды. Наибольшую остроту для них имели не продовольственные, а жилищные проблемы, обусловленные разрушением или аварийным состоянием значительной части жилого фонда. Однако крымским властям довольно быстро удалось снизить напряженность и по этому вопросу путем бесплатного выделения пострадавшим стройматериалов, постройки временных барачков, а также перераспределения жилого фонда, принадлежавшего лицам, выехавшим из зоны бедствия. В итоге, несмотря на произошедшую катастрофу и последовавшее за ней распространение апокалипсических слухов, условия для вооруженных антисоветских выступлений на Южном берегу Крыма так и не сформировались.

Сюжет 2. Эпидемия холеры 1970 г.: невидимая угроза для «всесоюзной здравницы»

В 1970 г. ряд южных районов СССР охватила эпидемия холеры биотипа Эль-Тор. Случаи заражения начали выявляться с се-

редины июля 1970 г. в Батуми, Астрахани, Одессе и ряде других городов. Тогда же появились первые жертвы среди заболевших. 7 августа 1970 г. первый случай заболевания холерой с летальным исходом был зафиксирован в Керчи. В последующие дни в городе было выявлено еще свыше 150 заболевших, а число погибших составило не менее 6 человек. После этого Керчь и ее окрестности в экстренном порядке были объявлены карантинной зоной. Сюда могли въехать только те лица, которые участвовали в специальных противоэпидемических мероприятиях, а выезд из города стал возможен только после так называемой «обсервации» — не менее чем пятидневного пребывания в специально созданных медицинских учреждениях («обсерваторах») под строгим контролем со стороны врачей. Таким образом, в городе были заблокированы около 130 тыс. местных жителей и 30 тыс. приезжих, по разным причинам оказавшихся здесь на момент начала эпидемии. Охрана границ карантинной зоны осуществлялась не только правоохранительными органами, но и армейскими подразделениями. По некоторым данным, для обеспечения карантинных мероприятий на территории Крымского полуострова было привлечено более 9,4 тыс. военнослужащих, 26 вертолетов и 22 сторожевых катера [Попов 2011: 38].

Следует отметить, что в рассматриваемый период Крым являлся самым популярным местом массового приморского отдыха граждан СССР. За год его посещало до 5 млн туристов и отдыхающих, из которых около 3,8 млн человек прибывало неорганизованно, без путевок от каких бы то ни было организаций [Попов 2012: 264]. «Пик» сезона приходился именно на август, так что начало эпидемии совпало с ним. В такой сложной ситуации власти приняли комплекс мер, направленных на снижение риска распространения эпидемии. Были отменены заходы в крымские порты всех круизных судов, аннулированы новые заезды по путевкам в крымские здравницы, турбазы и пионерские лагеря, началось блокирование въезда на полуостров новых групп неорганизованных рекреантов [ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 3. Д. 493. Л. 35, 43–44; ГАРК. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 680. Л. 20; Ф. Р-3512. Оп. 1. Д. 321. Л. 19].

Однако указанные меры не решали проблему тех «дикарей», которые уже находились на крымском побережье. Речь шла о десятках или даже сотнях тысяч человек, которые либо снимали жилье в частном секторе, либо размещались на стихийных стоянках автотуристов, в туристских лагерях. Власти посчитали, что такое большое количество людей будет сложно подвергнуть обсервации, а крымский очаг холеры в Керчи считался локализованным. Поэтому было принято решение стимулизовать добровольный, а не обязательно-принудительный

выезд отдыхающих без путевок с территории Крымской области (кроме находящихся на карантине в Керчи). Для этого предполагалось провести с ними массовую разъяснительную работу «не делая акцента на заболевании», чтобы избежать паники. Те автотуристы, которые соглашались добровольно покинуть Крым, обеспечивались горяче-смазочными материалами и питьевой водой. Для вывоза отдыхающих, не имевших личного автотранспорта, были организованы дополнительные железнодорожные составы, авиационные и автобусные рейсы [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 680. Л. 20–21].

Однако решение поставленных задач на практике вызвало много проблем, и совершенно очевидно, что сохранить в тайне истинную причину предпринимавшихся мер оказалось невозможно. По воспоминаниям ялтинской журналистки С. Сухановой, в августе 1970 г. все местные функционеры во главе с первым секретарем горкома партии и председателем горисполкома ходили по общественным пляжам Ялты и через мегафон объявляли неорганизованным отдыхающим об обнаружении в Черном море холерного вибриона и необходимости срочно покинуть город. Однако некоторые рекреанты не спешили уезжать, ссылаясь на то, что они «потратились на дорогу, на квартиры и здесь намерены остаться до конца отпуска, пусть даже вместе с этим самым вибрионом, который почему-то воспринимался, как повод для анекдотов» [Суханова 1989: 11].

На других крымских курортах реакция отдыхающих также оказалась неоднозначной. Вот что вспоминает об этом в своих интернет-мемуарах один из очевидцев:

Отдых в том году запомнился мне потому, что встав палаточным лагерем в автокемпинге «Золотой пляж» под Феодосией, <...> в один из вечеров, на стоянке появился милиционер в чине майора, и, собрав народ, заявил, что в Крыму зарегистрированы несколько случаев заболевания холерой и полуостров готовят к закрытию для въезда и выезда минимум на 45 суток. Когда это произойдет, он не уточнил...

ХОЛЕРА!!! Багровый закат в этот августовский вечер кому-то напомнил чумное средневековье и люди начали бросать пожитки в машины и спешно уезжать, волоча за собой палаточные веревки с кольшками. Другим — наоборот дарил надежду на неожиданную отсрочку от начала учебы или работы, и группа туристов студенческого возраста начала просить у майора справки в различные ВУЗы большой страны о том, что они не просто так задержались в Крыму на полтора месяца, а по поводу... [Владимир Николаевич 2010].

«No pasarán, холера не пройдет!»:

битва за чистоту и высокую санитарную культуру

Теперь проанализируем, как эпидемия холеры 1970 г. освещалась в советской прессе. Здесь мы видим существенные отличия по сравнению со случаем землетрясения 1927 г. Если тогда информационный цикл освещения катастрофы условно состоял из двух этапов: информационно-хроникального и разъяснительно-просветительского — то теперь первый из них как будто «выпал» из публичного дискурса или, во всяком случае, существенно «запаздывал». 7 августа 1970 г., когда эпидемией уже были охвачены Батуми, Астрахань, Одесса, а в Керчи был выявлен первый заболевший, на страницах крымских газет продолжали размещаться бодрые рапорты об успешном и многолюдном курортном сезоне, иллюстрировавшиеся фотографиями заполненных отдыхающими пляжей, где «яблоку негде упасть» (см., например: [Акрицкий 1970]).

Только к концу августа 1970 г. в советских газетах появилась информация о выявлении очага холеры в Астраханской области, который назывался «локальным» и «хорошо изолированным» [Сумароков 1970]. Другие регионы юга СССР упоминались лишь в контексте возможного проникновения туда холерного вибриона в будущем. И только 9 сентября, более чем через месяц с момента выявления смертельных случаев холеры в Керчи и ее закрытия на карантин, крымские СМИ перепечатали материал агентства печати «Новости» с успокаивающим названием «Вибрион в западне», где впервые признавалось наличие заболевших в Керчи и Одессе. В этой статье заместитель министра здравоохранения СССР А. Бурназян сообщал: «Что касается Керчи и Одессы, то сейчас ликвидация заболеваний в этих городах Советского Союза завершена, <...> положение стабильное, очаги инфекции локализованы и практически полностью купированы» [Вибрион в западне 1970]. В реальности же карантинные мероприятия продолжались до конца сентября — начала октября. О жертвах эпидемии, которых в масштабах всей страны насчитывались десятки, ни тогда, ни в последующие месяцы ничего не сообщалось — эти данные были засекречены.

Несмотря на то что в Керчи около двух месяцев действовал жесткий карантин, коснувшийся не менее 160 тыс. человек, городская газета «Керченский рабочий» ни разу(!) даже не упомянула слово «холера» ни в одном из своих материалов. Имела место лишь серия публикаций о санитарно-гигиенических аспектах борьбы с некими «острыми желудочно-кишечными заболеваниями». Они размещались в рубриках «Советует врач» или «За высокую санитарную культуру» и были написаны

учеными-медиками или врачами-практиками (например, [Бурназян 1970; Солодовников 1970]). Именно эти авторитетные авторы, академические регалии и должности которых были описаны максимально подробно, рассказывали читателям о необходимости тщательно мыть руки с мылом, пить только кипяченую воду, обрабатывать сырые и вареные овощи на разных разделочных досках и т.п. Материалы такого же содержания публиковались в ялтинской «Курортной газете», а также в областных газетах «Крымская правда» и «Крымский комсомолец». Авторы части из этих материалов обращались к более специализированным темам, например к особенностям профилактики желудочно-кишечных заболеваний у детей [Винтовкина 1970; Левин, Хотеева 1970] или у любителей активного туризма [Овсянников 1970].

Была задействована и мобилизационная роль СМИ, их значение в качестве коллективного организатора. Замалчивая факт эпидемии, советские медиа в августе-сентябре 1970 г. постоянно призывали советских людей участвовать в различных акциях по уборке территории, субботниках, воскресниках, рейдах так называемых «санитарных патрулей» по рынкам, предприятиям торговли и общественного питания [За высокую санитарную культуру 1970; За образцовый санитарный порядок 1970; Рейды санитарных патрулей 1970]. Необходимость проведения таких мероприятий объяснялась общими фразами о том, что курорты Крыма, главной «всесоюзной здравницы», должны содержаться в образцовой чистоте и порядке. Именно эта особенность информационной кампании, проводившейся не только через местные, но и через центральные СМИ, обусловила появление в песне Владимира Высоцкого «Не покупают никакой еды» (1970) таких строк: «На трудовую вахту встал народ / В честь битвы с новоявленной порчей, — / No pasará, холера не пройдет» [Высоцкий 1970].

Эта песня Высоцкого, ставшая ярким примером неофициальной реакции на эпидемию холеры, чрезвычайно интересна, в числе прочего, с лексической точки зрения. Выше мы уже говорили о том, что в начале эпидемии «кабинетные стратеги» предполагали вести разъяснительную работу среди населения, «не делая акцент на заболевании», чтобы не провоцировать панику. На практике это привело к тому, что в газетных текстах очень редко использовался термин «холера» — обычно он заменялся эвфемизмами «острая желудочно-кишечная инфекция» или «острое желудочно-кишечное заболевание». Такая практика наложения вербальных табу при освещении различных катастроф, которой мы не наблюдаем в случае освещения землетрясения 1927 г., по всей видимости, сформировалась после окончательного утверждения режима личной власти

Сталина с присущим ему тотальным государственным контролем над СМИ. Впервые на эту особенность указал британский журналист Уильям Чемберлен, аккредитованный в Москве в 1930-е гг. Он писал о том, что применительно к ситуации 1932–1933 гг. слово «голод» в советской прессе всегда заменялось эвфемизмами типа «продовольственный дефицит», «продовольственные трудности», «острая нехватка продовольствия» [Chamberlin 1935].

В то же время в неофициальных источниках холера всегда называется именно холерой. Слово это употребляется часто, именно на нем делается смысловой акцент. Например, в состоящей из семи куплетов песне Владимира Высоцкого «Не покупают никакой еды» слово «холера» (с «фирменным» авторским «р») звучит 10 раз:

Не покупают никакой еды —
 Все экономят вынужденно деньги:
 Холера косит стройные ряды, —
 Но люди вновь смыкаются в шеренги.

Закрыт Кавказ, горит «Аэрофлот»,
 И в Астрахани лихо жгут арбузы, —
 Но от станка рабочий не уйдет,
 И крепнут как всегда здоровья узы.

Убытки терпит целая страна,
 Но вера есть, всё зиждется на вере, —
 Объявлена народная война
 Одной несчастной, бедненькой холере.

На трудовую вахту встал народ
 В честь битвы с новоявленной порчей, —
 No pasarán, холера не пройдет,
 Холере — нет, и всё, и бал окончен! <...>

Я погадал вчера на даму трэф,
 Назвав ее для юмора холерой, —
 И понял я: холера — это блеф,
 Она теперь мне кажется химерой.

Во мне теперь прибавилось ума,
 Себя я ощущаю Гулливером,
 И понял я: холера — не чума, —
 У каждого всегда своя холера!

Уверен я: холере скоро тлеть.
 А ну-ка — залп из тысячи орудий!
 Вперед! Холерой могут заболеть
 Холерики — несдержанные люди.

[Высоцкий 1970]

Смертельный и смешной холерный вибрион

Неформальная интерпретация эпидемии холеры 1970 г. в Крыму имела двойственный характер. С одной стороны, особенно на первом этапе, наблюдались страх, тревожность и даже легкая паника. Во многих курортных городах, помимо закрытой на карантин Керчи, муссировались слухи о появлении очагов заболевания холерой. Например, такие слухи распространились в Ялте, о чем свидетельствуют участники обсуждения данной темы в социальной сети Facebook (участник обсуждения И.П. сообщила эту информацию со слов своей матери):

В Ялте на улице Игнатенко был холерный больной. Жильцов и постояльцев эвакуировали из дома за город. Куда, она не знает. Дом обнесли забором и «обкуривали чем-то», накрыли серыми сетками [Старая Ялта 2015].

Однако наиболее напряженная ситуация, естественно, возникла в закрытой на карантин Керчи. В секретных сводках керченских властей, описывающих ситуацию первых недель после введения карантина, сообщалось следующее:

Среди иногородних есть случаи проявления нервозности, недовольства, в связи с вопросами их обсервации и выезда из зоны карантина, в связи с чем у райисполкомов и горкома партии собираются группы иногородних [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 631. Л. 23].

Особое упоминание «иногородних» в тексте не случайно. Судя по всему, как и в случае с землетрясением 1927 г., именно они были наиболее подвержены паническим настроениям. В частности, именно приезжие, а не местные жители предприняли около 200 попыток прорыва керченской карантинной линии, предотвращенных властями с помощью сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих. Известно, например, что 19 августа 1970 г. был задержан шофер местной птицефабрики Т., который, используя служебный автотранспорт, пытался вывезти из карантинной зоны девять иногородних [ГАРК. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 631. Л. 21, 40].

Однако, несмотря на некоторые проявления тревожности и панические настроения, не меньшее распространение получило переосмысление катастрофы в юмористическом ключе. Выше мы уже цитировали слова ялтинской журналистки и очевидца описываемых событий С. Сухановой о том, что риск заражения холерой с возможным летальным исходом неожиданно стал темой для анекдотов. Несмотря на настойчивые расспросы автора, большинство местных жителей весьма смутно помнит содержание этих анекдотов, ссылаясь на давность описы-

ваемых событий. Однако удалось выяснить, что в народном юморе в основном обыгрывалось два аспекта: «дефекационный» (связанный со спецификой симптомов и лабораторной диагностики желудочно-кишечных заболеваний) и «алкогольно-профилактический» (связанный с предположительной способностью алкогольных напитков предотвращать заболевание холерой).

Интересно, что тема «алкогольной профилактики» холеры с помощью употребления вина, якобы возникшей еще в Древней Греции, ни разу не встретилась нам ни в одной из многочисленных информационно-разъяснительных публикаций того периода, написанных учеными или практикующими врачами. Однако она чрезвычайно широко представлена в народном творчестве: анекдотах, байках, рифмованных текстах. По всей видимости, первоначально речь шла об устных рекомендациях некоторых врачей в умеренном количестве употреблять для профилактики холеры сухое вино¹. Однако впоследствии к пропаганде этого метода подключились «народные эксперты», которые расширили ассортимент профилактических спиртных напитков и увеличили рекомендованные дозы их употребления. Настроения приверженцев такого рода «профилактики» холеры передает обнаруженное на одном из литературных сайтов стихотворение некоего Владимира Кулаева, озаглавленное «Холера? Тьфу! (Керчь, 1970)»²:

Купаемся! На море — мы!
Наш отдых так хорош!
И, зноем чуть приморенный,
На негра я похож!

Но, надо же, — холера вдруг!
Как в давние года!
И жизнь моя дешевле мух,
На Крым пришла беда.

И зоной карантинною
Пугали день и ночь,
Но есть рецепты винные
Холеру превозмочь!

¹ Сухое вино создает в желудочно-кишечном тракте человека кислотную среду, угнетающую холерный вибрион в случае его попадания в организм. Например, участник обсуждения в Facebook-группе «Старая Ялта» Н.О., работавшая в 1970 г. на Южном берегу Крыма, вспоминает, что употреблять половину бокала белого сухого вина во время обеда и ужина для профилактики заболевания холерой ей посоветовала ее мать, являвшаяся врачом-бактериологом [Старая Ялта 2015].

² Приводится начало стихотворения.

Буфет открыла Моника,
Вот то-то и оно,
С утра мы явно хроники,
Забыли про кино!
Микробы в море плавали,
Нам было всё равно:
Мы лечимся и главное, —
Бутылками вино!

[Кулаев 2012]

Похожие по тематике тексты присутствовали и в одесском фольклоре времен эпидемии холеры 1970 г. Например, это квазиэпос «О войне красных и белых вин» [Бирштейн 2011] или сатирическая версия песни «Ваше благородие» из вышедшего в тот год на советские экраны кинофильма «Белое солнце пустыни»:

Ваше благородие, госпожа холера,
Судя по фамилии, вы жена Насера.
Двадцать граммов хлорки
В арабский коньяк —
Не нужна касторка —
Пронесет и так!

[Там же]

Крымский и одесский случай появления юмористических текстов о холере имеет много общего с феноменом “disaster jokes” («шутки о катастрофе»), который впервые стал объектом научной рефлексии несколько позже, в середине 1970-х гг. [Andersen 1974]. Для американской фольклористики классическим кейсом для анализа данного явления стали шутки о крушении американского космического корабля «Челленджер» 28 января 1986 г. (см., например: [Oring 1987]). Спустя всего несколько месяцев в Советском Союзе произошла чернобыльская катастрофа, которая также имела огромное количество фольклорных интерпретаций, в том числе, несмотря на явный трагизм произошедшего, вызвала появление целой серии анекдотов и других юмористических текстов (см.: [Kürti 1988; Fialkova 2001]). Существует несколько объяснений феномена disaster jokes, но чаще всего появление шуток о катастрофе связывают со стремлением людей снять стрессовое состояние, защититься от неприятных эмоций. Скорее всего, именно этим объясняется довольно короткий жизненный цикл подавляющего большинства disaster jokes, которые обычно исчезают из активного употребления практически сразу, как перестает быть актуальной угроза от события, вызвавшего их появление [Радченко 2014: 120]. Интересно, что, собирая материал о крымском землетрясении 1927 г., мы не нашли каких-либо упоминаний

о его юмористической интерпретации очевидцами событий ни в архивных документах, ни в опубликованных источниках, за исключением уже названной карикатуры в журнале «Огонек», которая относится скорее к официальному дискурсу. Однако о том, что такие интерпретации все же могли быть, косвенно свидетельствуют упоминания о крымской катастрофе 1927 г. в произведениях известных советских писателей-сатириков того времени: романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1927) и рассказе М. Зощенко «Землетрясение» (1930).

Во время обсуждения темы холеры 1970 г. в группе «Крымоустройство» социальной сети Facebook [Крымоустройство 2015] шесть участников также упомянули о широком распространении профилактики холерного вибриона белым сухим вином, которое «наливали даже подросткам». Среди других наиболее типичных воспоминаний — массовое бегство курортников и резкое увеличение в связи с этим «неофициальных» расценок таксистов (до 100 руб. за проезд из Ялты до Симферополя), опустевшие крымские пляжи, снижение цен на рынках из-за сокращения спроса со стороны отдыхающих, запрет на купание в море. Судя по этим воспоминаниям, несмотря на то что советские СМИ явно «замалчивали» происходившее, крымчанам из неофициальных каналов было известно об эпидемии холеры не только в Крыму, но и в других городах (Астрахань, Одесса, Саратов). При этом большинство информантов уточняло, что некоторая паника наблюдалась только в первые дни и преимущественно среди приезжих.

Также следует отметить, что значительная часть крымчан — участников обсуждения отмечала позитивные для себя последствия сложившейся в августе 1970 г. ситуации («намного чище стало во всех южных городах»; «отдохнули от наплыва курортников»; «кайф от свободы, чистоты и покоя остался в памяти на всю жизнь»). Особенно ярко это проявилось во время обсуждения темы с участниками группы «Старая Ялта», в основном коренными ялтинцами. Одна из участниц обсуждения написала:

Ситуацию с холерой помню сначала как кошмар, потом — как праздник. Последнее запомнилось больше. Испуг быстро прошел, а огромные сочные персики по 1 рублю, которые в нормальные летние времена стоили 5р, и пустые пляжи с чистой водой остались [Старая Ялта 2015].

Освещение катастроф и советский информационный патернализм

На основе сравнения двух случаев крымских локальных катастроф, одна из которых относится к периоду позднего НЭПа,

а другая — к эпохе «развитого социализма», можно выделить три основные функции их освещения в советских медиа: собственно информационную (хроникальную), информационно-просветительскую (разъяснительную) и организационную (мобилизующую). Сочетание всех этих функций создавало ситуацию «отеческой» заботы об аудитории, которую можно назвать «информационным патернализмом». Советские СМИ сообщали только те сведения, которые людям следовало знать, стремясь оградить их от излишних тревог, душевного дискомфорта, не провоцировать возникновение паники.

Правда, в случае с землетрясением 1927 г. эта модель была несколько нарушена на первом этапе информационной кампании. Это объясняется тем, что тоталитарная система контроля государства над деятельностью СМИ тогда еще окончательно не сформировалась, сохранялась определенная инерция до-революционной и «нэповской» журналистики, тяготевшей к сенсациям и шокирующим фактам ради расширения читательской аудитории. Располагая полной информацией о реальной картине происшедшего и имея возможность контролировать медиа (в 1970 г. этот контроль уже проявился в своем классическом виде), органы власти СССР при возникновении нештатных ситуаций делали основной акцент не на хроникальной, а на разъяснительной и мобилизационной функциях СМИ. С одной стороны, со страниц прессы звучали голоса авторитетных экспертов (ученых и/или практиков), которые по-отечески увещевали аудиторию не бояться землетрясений или мыть фрукты перед едой. С другой стороны, используя ленинскую формулу, в соответствии с которой советская пресса должна была быть не только пропагандистом и агитатором, но и коллективным организатором, советские медиа стимулировали аудиторию к тем или иным формам управляемой активности, будь то сбор пожертвований пострадавшим от землетрясения или санитарная уборка территории. Однако эти мобилизационные меры все же имели вспомогательный, второстепенный характер относительно более масштабных мероприятий, предпринимаемых самими государственными институтами.

Говоря о неформальной стороне коммуникации во время локальных катастроф, можно отметить, что любая катастрофа неизбежно сопровождается волной слухов и домыслов, независимо от информационных особенностей ее освещения. Более откровенная позиция советских СМИ в освещении землетрясения 1927 г. не помешала возникновению самых невероятных слухов, в том числе имевших политический и мистический характер. Даже наличие подробных и многочисленных материалов в СМИ не компенсировало в достаточной мере дефицит

информации о происшедшем, оставляя актуальным «основной закон слухов Олпорта — Постмана»¹ в части зависимости интенсивности слухов от неопределенности происходящего. Это было обусловлено следующим: 1) имевшиеся информационные материалы традиционных СМИ все равно не могли ответить на многочисленные, постоянно обновляющиеся вопросы аудитории; 2) помещенная в прессе информация запаздывала и не всегда была легкодоступна, с учетом специфики влияния катастрофической ситуации на ход повседневной жизни людей. В этом отношении современный исследователь, спокойно и систематично изучающий подшивки старых газет, находится в совершенно иной информационной ситуации, нежели очевидец катастрофы. Также можно сделать вывод о том, что в обоих случаях подверженность паническим настроениям и восприимчивость к слухам демонстрировали все очевидцы катастрофы, но в наиболее активной форме — туристы, отдыхавшие без путевок (в 1920-е гг. их называли «самотеком», в 1970-е гг. — «дикарями»). Именно они более всего тяготели к реализации стратегии спасения посредством самостоятельной или частично контролируемой властями эвакуации из зоны бедствия.

В ходе крымских локальных катастроф советские СМИ выступали как консолидированный официальный канал коммуникации, претендовавший на статус единственного «авторитетного голоса» для аудитории, которая рассматривалась через призму информационного патернализма. В этих условиях различные тревожные слухи возникали не как реакция на полный информационный вакуум, которого не могло быть, поскольку в таком случае «отключенными» оказались бы разъяснительно-просветительская и организационно-мобилизационная функции СМИ. Скорее имели место попытки адресатов информации «домыслить», сконструировать целостную картину катастрофы, понимая недосказанность официальной версии происходящего. Именно недостаточная вера «авторитетному голосу» заставляла людей обращаться к горизонтальным формам коммуникации в виде обмена слухами. Это недоверие стимулировало появление альтернативных, «народных» форм интерпретации катастроф в виде слухов, анекдотов, шуточных рифмованных текстов, а также актуализировало неформальные практики спасения / защиты (как, например, профилактика холеры с помощью алкоголя).

¹ Интенсивность слуха находится в непосредственной зависимости от важности и неопределенности события (темы), лежащего в его основе.

Список сокращений

ГАРК — Государственный архив Республики Крым (г. Симферополь)

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

Архивные материалы

ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 663. Материалы о землетрясении и мерах по ликвидации его последствий в Крыму, 1927 г.

ГАРК. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 631. Справки о состоянии заболеваемости и мерах борьбы с острыми желудочно-кишечными заболеваниями, 1970 г.

ГАРК. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 680. Докладные записки, справки, информация по курортам о состоянии эпидемической обстановки в Крымской области, 1970 г.

ГАРК. Ф. Р-3512. Оп. 1. Д. 321. Годовой отчет Крымского областного совета по туризму и экскурсиям, 1970 г.

ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 3. Д. 493. Годовой отчет Крымского отделения ВАО «Интурист», 1970 г.

Источники

Акрицкий В. Идет ремонт ускоренный // Курортная газета. 1970, 7 авг.

Бириштейн А. Холера в Одессе // Bayki.org — собрание баек Рунета. 16.08.2011. <<http://www.bayki.org/tale/3680>>.

Бурназян А. Берегитесь инфекции // Керченский рабочий. 1970, 11 авг.

В.В. К последствиям землетрясения в Крыму // Красный Крым. 1927, 15 сент.

Вибрион в западне // Курортная газета. 1970, 9 сент.

Винтовкина И. Убереечь детей от желудочно-кишечных заболеваний // Керченский рабочий. 1970, 27 авг.

Владимир Николаевич. Крым 1970 года, холера // ХайВей. 16.12.2010. <<http://h.ua/story/307473/>>.

В.М. Не конец ли Крыму? // Смена. 1927. № 19.

Высоцкий В. Не покупают никакой еды... (1970) // Владимир Высоцкий на разных языках. <<http://www.wysotsky.com/1049.ru/074.htm>>.

Егоров Н. По опустевшему Крыму // Правда. 1927, 28 сент.

За высокую санитарную культуру // Керченский рабочий. 1970, 8 сент.

За образцовый санитарный порядок // Керченский рабочий. 1970, 20 авг.

Землетрясение в Крыму // Правда. 1927, 20 сент.

Землетрясение охватило весь Крымский полуостров // Правда. 1927, 13 сент.

Кольберт Ж. Следы стихии. От Алушты до Ялты // Правда. 1927а, 17 сент.

- Кольберт Ж.* В четвертую ночь // Правда. 1927б, 18 сент.
 Крымоустройство. [Группа в Facebook, обсуждение 2015 г.]. <<https://www.facebook.com/groups/crimealife>>.
- Кулаев В.* Холера? Тьфу! (Керчь, 1970) // Творческий портал Парнас. 13 октября 2012 г. <<http://pamasse.ru/poetry/humor/comic/holera-tfu-kerch-1970.html>>.
- Левин Р., Хотеева Л.* Внимание, дети! // Крымская правда. 1970, 10 сент.
- Нем. В.* Двадцать два часа // Красный Крым. 1927, 15 сент.
- Обручев В.* Землетрясения // Красная нива. 1927. № 39.
- Овсянников В.* Правила гигиены в турпоходе // Крымский комсомолец. 1970, 21 авг.
- После землетрясения (От нашего специального корреспондента) // Красный Крым. 1927, 15 сент.
- Рейды санитарных патрулей // Курортная газета. 1970, 8 сент.
- Севастьянов И.* Крымское землетрясение. История в открытках // Старая Ялта: Историко-краеведческий альманах. 2013. № 6. С. 10–12. <<http://oldyalta.ru/497-krymskoe-zemletryasenie-istoriya-v-otkrytkah.html>>.
- Семашко Н.* На помощь Крыму (вниманию советской общественности) // Правда. 1927, 17 сент.
- Солодовников Ю.* Поставим заслон кишечным инфекциям! // Керченский рабочий. 1970, 26 авг.
- Старая Ялта. [Группа в Facebook, обсуждение 2015 г.]. <<https://www.facebook.com/groups/oldyalta>>.
- Сумароков А.* Инфекции — надежный заслон // Курортная газета. 1970, 25 авг.
- Суханова С.Н.* Ялта: город чудный, город бедный: Полемические заметки. Симферополь: Таврия, 1989. 144 с.
- Это было у моря... [кариатура] // Огонек. 1927. № 39.
- Chamberlin W.H.* Soviet Taboos // Foreign Affairs. 1935, April. <<https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/1935-04-01/soviet-taboos>>.

Библиография

- Архипова А.С., Неклюдов С.Ю.* Фольклор и власть в «закрытом обществе» // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 84–108. <<http://nlobooks.ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1717/1753/index.html>>.
- Брусиловский Л.Я., Бруханский Н.П., Сегалов Т.Е.* Землетрясение в Крыму и невропсихический травматизм. Л.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1928. 108 с.
- Верт Н.* Пораженческие слухи и настроения в СССР в 1920–1930 годы // Н. Верт. Террор и беспорядок. Сталинизм как система / Пер. с фр. А.И. Пигалева. М.: РОССПЭН, 2010. 447 с.
- Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Пер. с англ. А.В. Бардина. М.: РОССПЭН, 2010. 367 с.

- Гроссман Я.Л.* Крымские курорты после землетрясения. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1928. 46 с.
- Двойченко П.А.* Черноморские землетрясения 1927 года в Крыму (Предварительное сообщение) // Черноморские землетрясения 1927 г. и судьбы Крыма: Сб. ст. Симферополь: Крымгосиздат, 1928. С. 77–98.
- Никонов А.А.* Крымские землетрясения 1927 г.: неизвестные явления на море // Природа. 2002. № 9. С. 13–20.
- Петрова Н.* Сезонная активность Антихриста (эсхатологические настроения в Рязанском округе в 1929–1930 гг.) // Антропология. Фольклористика. Социолингвистика: Конференция студентов и аспирантов: Сб. тезисов (Санкт-Петербург, 22–24 марта 2012). СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. С. 74–77. <https://eu.spb.ru/images/et_dep/conf/tezisy_fa_22-24.03.2012.pdf>.
- Попов А.* «Мы ищем то, чего не теряли»: советские «дикари» в поисках места под солнцем // Ab Imperio. 2012. № 2. С. 261–298.
- Попов В.Ф.* Эпидемия холеры в СССР в 1970 г. // Биопрепараты. 2011. № 2(42). С. 36–38. <http://www.biopreparaty-magazine.ru/historical_archive/42_01/>.
- Радченко Д.А.* «Я пережил конец света»: катастрофы в русскоязычном интернет-фольклоре // Механизмы культурной памяти: от фольклора до медиа: Тез. док. междунар. науч. конф. (Москва, 27–29 ноября 2014 г.) / Сост. О.Б. Христофорова, Д.И. Антонов, М.В. Ахметова, Н.В. Петров. М.: РАНХиГС, 2014. С. 119–123.
- Хрисанфов Н.Е.* Перспективы развития курортного дела в Крыму и его ближайшие задачи // Крым. 1928. № 1(6). Вып. 2. С. 76–96.
- Andersen D.M.* The Los Angeles Earthquake and the Folklore of Disaster // Western Folklore. 1974. Vol. 33. No. 4. P. 331–332.
- Fialkova L.* Chernobyl's Folklore: Vernacular Commentary on Nuclear Disaster // Journal of Folklore Research. 2001. Vol. 38. No. 3. P. 181–204.
- Kürti L.* Politics of Joking: Popular Response to Chernobyl // Journal of American Folklore. 1988. Vol. 101. No. 401. P. 324–334.
- Oring E.* Jokes and the Discourse on Disaster // Journal of American Folklore. 1987. Vol. 100. No. 397. P. 276–286.

“Is It the End for the Crimea?”: Interpretations of the Local Catastrophes of the 20th Century in Folklore and Medias

Aleksey Popov

V. I. Vernadsky Crimean Federal University
4 Prospect Akademika Vernadskogo, Simferopol, Russia
popalex79@mail.ru

This article provides a comparative analysis of official and unofficial interpretations of two local disasters of the 20th century connected with the Crimea: the earthquakes of 1927 and the cholera epidemic of 1970. Using these events of force majeure as an example, the author attempts to demonstrate the interrelation between a real plot, its description in the Soviet press, and its reconsideration in rumours and city folklore stories. The author comes to the conclusion that the standard model of Soviet media coverage of the disaster was meant to perform three main functions: informational proper (chronicle), informational and educational (explain), and organisational (mobilise). The synthesis of all these functions created a situation of so-called “informational paternalism”: the authorities tried to use the media not only to protect audience from disturbing moods and panic actions. They also used it to create an optimal model of behaviour in these circumstances, and to mobilise citizens to complete certain urgent tasks to fight against the consequences of the disaster. In this situation, withholding information about the disaster limited the explanatory and mobilising functions. The desire to overcome this contradiction forced the Soviet media to use euphemisms, and distort a number of true cause-and-effect relationships (which was especially evident during cholera epidemic of 1970). However, the official information portrayal of the events seemed incomplete and contradictory. It induced the Soviet citizens to supplement the official picture of the disaster with informal sources like rumours, jokes, and rhymed texts. In response to the mobilisation efforts of mass media, the population also used alternative practices of salvation / protection against danger.

Keywords: earthquake, cholera, mass media, rumors, disaster jokes, city folklore, information paternalism, the Crimea, the USSR.

References

- Andersen D. M., ‘The Los Angeles Earthquake and the Folklore of Disaster’, *Western Folklore*, 1974, vol. 33, no. 4, pp. 331–332.
- Arkhipova A. S., Neklyudov S. Yu., ‘Folklor i vlast v “zakrytom obshchestve”’ [Folklore and Authorities in the “Closed Society”], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2010, no. 101, pp. 84–108. <<http://nlobooks>.

- ru/sites/default/files/old/nlobooks.ru/rus/magazines/nlo/196/1717/1753/index.html>. (In Russian).
- Brusilovskiy L. Ya., Brukhanskiy N. P., Segalov T. E., *Zemletryasenie v Krymu i nevropsikhicheskiy travmatizm* [Earthquake in the Crimea and Psychiatry Traumatism]. Leningrad: People's Commissariat of Public Health of the RSFSR Press, 1928, 108 pp. (In Russian).
- Dvoychenko P. A., 'Chernomorskie zemletryaseniya 1927 goda v Krymu (Predvaritelnoe soobshchenie)' [The Black Sea Earthquake of 1927 in the Crimea (Preliminary Report)], *Chernomorskie zemletryaseniya 1927 g. i sudby Kryma* [The Black Sea Earthquakes of 1927 and the Fate of Crimea]: A Collection of Articles. Simferopol: Krymgosizdat, 1928, pp. 77–98. (In Russian).
- Fialkova L., 'Chernobyl's Folklore: Vernacular Commentary on Nuclear Disaster', *Journal of Folklore Research*, 2001, vol. 38, no. 3, pp. 181–204.
- Grossman Ya. L., *Krymskie kurorty posle zemletryaseniya* [The Crimean Resorts after the Earthquake]. Moscow: People's Commissariat of Public Health of the RSFSR Press, 1928, 46 pp. (In Russian).
- Khrisanfov N. E., 'Perspektivy razvitiya kurortnogo dela v Krymu i ego blizhaysie zadachi' [Prospects for the Development of the Resort Business in the Crimea and Its Immediate Goals], *Krym*, 1928, no. 1(6), is. 2, pp. 76–96. (In Russian).
- Kürti L., 'Politics of Joking: Popular Response to Chernobyl', *Journal of American Folklore*, 1988, vol. 101, no. 401, pp. 324–334.
- Nikonov A. A., 'Krymskie zemletryaseniya 1927 g.: neizvestnye yavleniya na more' [The Crimean Earthquakes of 1927: The Unknown Phenomena at the Sea], *Priroda*, 2002, no. 9, pp. 13–20. (In Russian).
- Oring E., 'Jokes and the Discourse on Disaster', *Journal of American Folklore*, 1987, vol. 100, no. 397, pp. 276–286.
- Petrova N., 'Sezonnaya aktivnost Antikhrista (eschatologicheskie nastroe-niya v Ryazanskom okruge v 1929–1930 gg.)' [The Antichrist's Seasonal Activity (Eschatological Moods in Ryazan Oblast in 1929–1930)], *Antropologiya. Folkloristika. Sotsiolingvistika* [Anthropology. Folklore Studies. Sociolinguistics]: Students and Graduates' Conference. Proceedings (St Petersburg, March 22–24, 2012). St Petersburg: European University in St Petersburg Press, 2012, pp. 74–77. <https://eu.spb.ru/images/et_dep/conf/tezisy_fa_22-24.03.2012.pdf>.
- Popov A., "'My ishchem to, chego ne teryali": sovetskie "dikari" v poiskakh mesta pod solntsem' ["We are Looking for What We Have Not Lost": Soviet "Savages" Searching for a Place Under the Sun], *Ab Imperio*, 2012, no. 2, pp. 261–298. (In Russian).
- Popov V. F., 'Epidemiya kholery v SSSR v 1970 g.' [Cholera Epidemic in the USSR in 1970], *Biopreparaty*, 2011, no. 2(42), pp. 36–38. <http://www.biopreparaty-magazine.ru/historical_archive/42_01/>. (In Russian).
- Radchenko D. A., "'Ya perezhil konets sveta": katastrofy v russkoyazychnom internet-folklore' ["I Have Survived Doomsday": Disasters in Russian-Language Internet Folklore], O. B. Khristoforova, D. I. Anto-

nov, M. V. Akhmetova, N. V. Petrov (comps.), *Mekhanizmy kulturnoy pamyati: ot folkloro do media* [Mechanisms of Cultural Memory: From Folklore to Media]: Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, November 27–29, 2014). Moscow: RANERA, 2014, pp. 119–123. (In Russian).

Viola L., *Peasant Rebels Under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance*. New York: Oxford University Press, 1996, XII+312 pp.

Werth N., ‘Rumeurs défaitistes et apocalyptiques dans l’URSS des années 1920 et 1930’, *Vingtième Siècle. Revue d’histoire*, 2001, no. 71, pp. 35–49.